

DOI: 10.24290/1029-3736-2022-28-3-43-78

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ: ВОЗМОЖНОСТИ И РИСКИ

Ю.А. Холоденко, канд. экон. наук, доц., доц. кафедры социологии государственного управления социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, д. 1, стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234*

В статье рассматриваются приоритеты и социально-экономические риски цифровой трансформации государственного управления. Исследованы основные подходы к проблеме использования в деятельности органов государственного и муниципального управления передовых цифровых технологий, направленного на формирование современной системной цифровой среды. Рассмотрены основные направления цифрового перехода в государственном управлении, которые включают цифровизацию коммуникаций между институтами публичной власти, активное внедрение цифровых технологий в практики предоставления государственных и муниципальных услуг бизнес-структурам и домохозяйствам, стимулирование внедрения эффективных цифровых решений как одного из важных условий социальной динамики.

В статье определены факторы и социальные риски, влияющие на цифровую трансформацию государственного управления в Российской Федерации. Среди них — высокий уровень цифрового неравенства, глубокая социальная дифференциация регионального развития, затратный характер цифровизации, риски для рынка труда и традиционных форм и условий занятости населения, проблемы адаптации граждан к активному использованию цифровых технологий в системе государственного управления, а также безусловному обеспечению прав граждан и информационной безопасности в цифровой среде. Подтверждена значимость курса Российского государства на динамизацию цифровой трансформации государства и общества в условиях беспрецедентного обострения международных отношений в современном мире и жестких экономических и политических санкций, введенных против нашей страны.

Ключевые слова: государственное управление, цифровая трансформация, искусственный интеллект, социальные риски, цифровое неравенство, рынок труда и занятость, цифровые права граждан, информационная безопасность, цифровые платформы.

* Холоденко Юрий Александрович, e-mail: hol.u@mail.ru

DIGITAL TRANSFORMATION OF PUBLIC ADMINISTRATION: OPPORTUNITIES AND RISKS

Kholodenko Yuri A., Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Sociology of Public Administration, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninskie Gory, 1, p. 33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: hol.u@mail.ru

The article discusses the priorities and socio-economic risks of the digital transformation of public administration. The main approaches to the problem of the use of advanced digital technologies in the activities of state and municipal government bodies aimed at the formation of a modern system digital environment are investigated. The main directions of the digital transition in public administration are considered, which include the digitalization of communications between public authorities, the active introduction of digital technologies into the practice of providing state and municipal services to business structures and households, stimulating the introduction of effective digital solutions as one of the important conditions for social dynamics.

The article identifies the factors and social risks affecting the digital transformation of public administration in the Russian Federation. Among them are the high level of digital inequality, deep social differentiation of regional development, the costly nature of digitalization, risks to the labor market and traditional forms and conditions of employment, problems of adaptation of citizens to the active use of digital technologies in the public administration system, as well as the unconditional provision of citizens' rights and information security in the digital environment. The importance of the course of the Russian state to dynamize the digital transformation of the state and society in the conditions of unprecedented aggravation of international relations in the modern world and tough economic and political sanctions imposed against our country was confirmed.

Key words: *public administration, digital transformation, artificial intelligence, social risks, digital inequality, labor market and employment, digital rights of citizens, information security, digital platforms.*

Современное общество переживает глубокие социально-экономические изменения. Одним из важнейших факторов происходящих перемен является четвертая промышленная революция, ядром которой выступает цифровая трансформация. Она затрагивает все сферы жизнедеятельности людей: нашу повседневную жизнь, систему социальных связей, образование и здравоохранение, характер и структуру занятости. Повседневность становится все более технологичной. Цифровая трансформация создает новые типы коммуникаций между людьми, организациями, обществом и властью. Формируется высокотехнологичная цифровая среда, в которой каждый человек становится в той или иной степени актором происходящих под влиянием цифровизации социальных изменений.

Пандемия коронавируса COVID-19 динамизировала процессы расширения масштабов цифровизации различных сфер обще-

ственной жизни. Она активизировала процессы внедрения цифровых технологий в образование, здравоохранение, сферу торговли и потребительских услуг, государственное управление. Удаленная работа и онлайн-обучение, дистанционное потребление услуг стали обычным явлением в жизни россиян и заметно изменили их предпочтения, привычки и даже образ жизни. Цифровая среда становится частью жизненного пространства. В ней формируются новые модели поведения людей, что не может не повлиять на государственные институты и механизмы реализации государством своих функций.

Исторический опыт свидетельствует, что государство, как правило, не успевает за динамикой происходящих в обществе социальных изменений. Современный мир не является исключением. На наш взгляд, единая цифровая среда информационного общества пока не сформирована. Она сегментирована. Домохозяйства и бизнес-структуры активно применяют передовые цифровые решения. Их повседневная жизнь и работа наполнены инновациями и протекают в продвинутой цифровой среде. Государство же традиционно выступает как гарант сложившегося политического, экономического и социального порядка, поэтому оно более консервативно и осторожно в выборе и использовании современных компьютерных технологий, руководствуясь принципом “не навреди”. Поэтому, как отмечают отдельные исследователи, “государство может отставать от актуальных тенденций в сфере развития цифровых технологий, а общество может недооценивать и даже негативно воспринимать усилия государства, направленные на укрепление цифрового суверенитета”¹. Конечно, подобное положение сохранится, несмотря на то что цифровые технологии становятся все более активным инструментом коммуникации государственных органов с гражданами и бизнесом. Тем не менее государство должно создать условия для того, чтобы максимально снизить барьеры между обществом и государством в цифровой среде.

Цифровой переход в полной мере затрагивает органы государственной власти и управления: государственные и муниципальные финансы, организацию публичной службы, управленческие практики, социальные технологии принятия управленческих решений, механизмы предоставления государственных и муниципальных услуг. Поэтому, как отмечают специалисты, “переход к новому качеству государственного управления на основе проектного управления в цифровой среде обуславливает комплексирование всех

¹ Косоруков А.А., Кшеменецкая М.Н. Модель цифрового управления на современном этапе развития государственного управления // Социодинамика. 2019. № 1. С. 57.

административных элементов”². Более того, внедрение современных цифровых технологий должно быть направлено на своеобразную “интеллектуализацию” государственного управления, предполагающую координирующую и направляющую деятельность государственных органов по формированию системной цифровой среды и интеграцию не только органов публичной власти и управления, но и всех акторов цифровых коммуникаций. Необходимы такие государственные решения, которые обеспечат вовлечение в процессы цифровой трансформации максимальное количество предпринимательских структур, домохозяйств, государственных и муниципальных организаций и учреждений. При этом главной задачей государства становится обеспечение надежности цифровых решений, которое напрямую определяет степень кибербезопасности, а значит, защищенности всех участников цифровых коммуникаций, что укрепляет доверие общества к цифровой трансформации государственного управления.

Использование информационных технологий — не новое по меркам динамичных перемен в современную эпоху явление для государства. Правомернее говорить о переходе к новому этапу цифровизации государственного управления, предполагающему внедрение в управленческие практики государственных органов и организаций современных цифровых решений, в числе которых технологии искусственного интеллекта, больших данных, виртуальной и дополненной реальности, а также интернет вещей. Их активное применение трансформирует систему публичной власти и характер коммуникаций государства с домохозяйствами и бизнес-сообществом, оказывая позитивное влияние на качество и эффективность государственного управления и способствуя формированию динамичной цифровой среды.

Вместе с тем, цифровой переход — неоднозначный, противоречивый процесс, затрагивающий широкое предметное поле публичного управления. Более того, это процесс затратный. Очевидно, что если цифровизация государственного управления способна принести ощутимый экономический эффект, повысить качество принимаемых органами публичной власти решений и доступность предоставляемых гражданам и бизнесу государственных и муниципальных услуг, то активное использование современных цифровых технологий и формирование цифрового правительства должно стать безусловным приоритетом Российского государства. Если это очередной новомодный тренд, призванный улучшить имидж Рос-

² Социальные изменения в условиях цифровой среды: Коллективная монография / Под ред. В.П. Васильева. М., 2020. С. 146–147.

сии в глазах глобального сообщества и повысить рейтинг страны в различных международных индексах цифровизации, то следует тщательно просчитать экономические и социальные эффекты от масштабного расходования бюджетных средств.

Поэтому нельзя ограничивать “цифровизацию” государства исключительно рамками государственного сектора. Следует активнее использовать инструментарий, адекватный качеству цифровой среды. Предстоит провести мониторинг действующих государственных цифровых платформ и сервисов на предмет их привлекательности для потребителей и создать комплексные цифровые платформы, способные объединить те из них, которые представляются наиболее перспективными. Высказывается мнение, что разработка и внедрение цифровых систем межведомственного взаимодействия, формирование единых баз данных и цифровых платформ позволят постепенно отказаться от идеи децентрализации в теории и практике государственного управления³. В противном случае немалые бюджетные расходы вряд ли когда-либо удастся компенсировать. Как отмечают специалисты, следует обратить внимание на российский финансовый сектор, который занимает ведущее место на европейском континенте по уровню внедрения цифровых технологий в потребительском сегменте, и активнее применять накопленный в его рамках опыт в практиках государственного и муниципального управления⁴. Представляется, что это связано прежде всего с удобством и относительной простотой предлагаемых потребителю цифровых финансовых услуг. Конечно, государство не банк, но оно также предоставляет обществу и его институтам услуги, оплаченные налогами граждан и бизнеса. Несмотря на их специфический характер, принципы предоставления цифровых услуг должны иметь универсальный характер и, главное, мотивировать их потребление.

Успешный переход к цифровому государственному управлению требует выполнения ряда базовых принципиальных условий, включая технологическую и кадровую готовность к цифровым преобразованиям прежде всего с использованием отечественного программного обеспечения и цифровых сервисов. Необходимо четко выделить приоритеты цифровизации государственного управления. По нашему мнению, к ним следует отнести такие направления

³ Купряшин Г.Л., Шрамм А.Е. О перспективах третьей волны парадигмы цифрового государственного управления // Государственное управление. 2021. № 84. С. 260.

⁴ Цифровая трансформация отраслей: стартовые условия и приоритеты. М., 2021. С. 201.

использования цифровых технологий в деятельности органов государственной власти и управления, как:

- цифровизация коммуникаций внутри самой системы государственного управления;
- разработка и реализация мероприятий при осуществлении ряда направлений государственной политики, например, мер государственного регулирования и контроля;
- предоставление государственных услуг с использованием цифровых технологий.

Благодаря внедрению цифровых технологий можно обеспечить более эффективную коммуникацию как в рамках системы государственного управления, так и в практиках взаимосвязей государства с обществом. Появляются дополнительные возможности для интенсификации цифровых коммуникаций с потребителями государственных услуг. В этой связи Ф. Юсифов подчеркивает, что цифровая трансформация системы государственного управления прежде всего должна быть направлена на повышение качества предоставляемых гражданам государственных услуг⁵.

Очевидно, что цифровизация публичных услуг повышает их прозрачность, объективно ведет к снижению уровня коррупции в системе государственного управления, устраняя элемент субъективизма из процесса принятия управленческих решений. Однако цифровые государственные услуги — не обычные коммуникации между государством и обществом. На ограничения и риски, не позволяющие государственным институтам свободно использовать каналы виртуальной коммуникации в отношениях с обществом, указывает О.В. Михайлова⁶. Действительно, цифровые государственные услуги оплачены налогами граждан и бизнеса. Поэтому социально ответственное государство должно учитывать общественную позицию при использовании потенциала цифровых технологий и рефлексировать настроения бизнеса и граждан как потребителей оплаченных цифровых услуг. Применение цифровых каналов взаимодействия с государством должно быть для них комфортным, при этом необходимо осуществлять систематический мониторинг степени удовлетворенности и настроений потребителей цифровых государственных услуг. В этой

⁵ Юсифов Ф. Оценка государственных услуг на основе удовлетворенности граждан // Информационное общество. 2020. № 4. С. 43.

⁶ Михайлова О.В. Современное государственное управление в условиях виртуализации и расширения сетевого ландшафта публичной политики // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). 2019. № 4. С. 23.

связи важнейшей задачей государственных институтов становится безусловная защита персональных данных, так как эффективная цифровая трансформация государственного управления невозможна без обеспечения доверия общества к государству, что, в свою очередь, предполагает защиту цифровых прав граждан и жесткую ответственность государства за их нарушения. Специалисты отмечают, что специфика государственного управления “требует особо внимательного отношения к правам граждан, к возможностям оперативного реагирования на их нарушения, к прозрачности государственной деятельности”⁷.

Таким образом, спрос на цифровые государственные услуги, а в конечном счете — на цифровое государственное управление, по факту формирует общество, поэтому цифровые технологии должны быть им востребованы. В целом россияне готовы к активному включению цифровых технологий в коммуникации с государством и цифровой трансформации государственного управления. На это обстоятельство обращает внимание Е.Ю. Добролюбова, которая считает, что при внедрении цифровых технологий следует учитывать “не только готовность и способность государственных органов к использованию цифровых технологий, но и востребованность цифрового взаимодействия со стороны внешних сторон — граждан и бизнеса, т.е. спрос на цифровое государственное управление. В более широком контексте необходима оценка эффектов от цифровизации государственного управления для всех заинтересованных сторон”⁸.

Представляется, что цифровая трансформация государственного управления должна обеспечить позитивные социально-экономические эффекты от комплексного внедрения цифровых технологий в социальные практики, прежде всего оптимизацию процессов принятия решений органами государственного и муниципального управления. В этих условиях задача государства — создать у бизнеса стимулы для более активного инвестирования в современные цифровые технологии, а у населения — заинтересованности в потреблении цифровых государственных услуг. Как отмечают эксперты ОЭСР, внедрение в государственное управление самых современных цифровых технологий, в том числе искусственного интеллекта, становится не просто инструментом модернизации госуправления, но и драйвером перемен в сфере цифровиза-

⁷ Талапина Л.В. Использование искусственного интеллекта в государственном управлении // Информационное общество. 2021. № 3. С. 21.

⁸ Добролюбова Е.И. Оценка цифровой зрелости государственного управления // Информационное общество. 2021. № 2. С. 40.

ции⁹. Речь идет о стимулировании государством цифровых бизнес-процессов и масштабного производства и потребления цифровых услуг во всех сферах жизнедеятельности людей. Высказывается мнение, что цифровизация государственного управления позволит к 2024 г. снизить уровень затрат на общегосударственные расходы на 0,3% ВВП, бизнесу — сократить административные издержки, а гражданам — получать государственные и муниципальные услуги более высокого качества¹⁰.

Цифровая трансформация способна вызвать заметные позитивные эффекты как в деятельности отдельных государственных и муниципальных органов, так и всей системы публичного управления. Вместе с тем внедрение цифровых технологий в государственное управление — процесс сложный и противоречивый. Цифровые технологии развиваются стремительно. Государство не успевает за этим развитием. Чтобы достичь целей цифрового перехода в государственном управлении, необходимо учитывать степень готовности органов государственного управления и местного самоуправления к цифровизации. В этой связи предстоит решить ряд проблем, основными из которых, как отмечают специалисты, выступают технологическая инфраструктура, включая широкополосный интернет, недостаточное обеспечение домашних хозяйств компьютерной техникой и доступом к интернету, а также нормативно-правовая база, регулирующая в сетевом пространстве отношения граждан, бизнеса и государства¹¹.

По мнению экспертов ОЭСР, цифровая трансформация государственного управления проходит три последовательных этапа. На первом этапе происходит “оцифровка” деятельности отдельных органов государственного управления с целью повышения эффективности управленческих практик на основе использования “традиционных” цифровых технологий. Второй этап, “электронное правительство”, предполагает активное применение в государственном управлении цифровых технологий с использованием потенциала интернета. Наконец, третий этап цифровой трансформации государственного управления обусловлен переходом к “цифровому правительству”, связанному с внедрением в государственное управление самых современных цифровых технологий (интернет вещей,

⁹ OECD (2013) Perspectives on Global Development (2013) Industrial Policies in a Changing World. URL: <http://www.oecd.org/dev/pgd/pgd2013.htm> (accessed: 19.03.2022).

¹⁰ Государство как платформа. (Кибер) государство для цифровой экономики. Цифровая трансформация. М., 2018. С. 5.

¹¹ Социальные изменения в условиях цифровой среды. М., 2020. С. 155.

искусственный интеллект), которые становятся не только инструментом модернизации государственного управления, но и драйвером перемен в сфере модернизации¹².

Согласно данной типологии, Российское государство находится на втором этапе цифрового перехода. В этой связи необходимо с высокой степенью точности определить позитивные социально-экономические эффекты от внедрения цифровых технологий и четко выделить приоритеты цифровой трансформации государственного управления. На наш взгляд, следует обратить пристальное внимание на подготовку и переподготовку кадров для цифрового государственного управления, активно внедрять в бюрократическую среду нормы и ценности формирующейся цифровой культуры, создавать полноценную инфраструктуру для цифрового государственного управления. Параллельно предстоит реализовать комплекс мер по созданию механизмов стимулирования выработки цифровых навыков у всех групп населения с целью их адаптации к цифровой среде, осуществлять интенсивные коммуникации с потребителями цифровых государственных услуг на предмет мониторинга их востребованности и качества.

Активное внедрение цифровых технологий в бизнес-процессы и повседневную жизнь граждан осложняет жизнь государства как регулятора процесса цифровой трансформации и контролера за происходящими в обществе социальными изменениями. Негативное влияние на цифровизацию государственного управления оказывают непроработанность нормативно-правовой базы и отсутствие соответствующих цифровой среде гибких мер государственного регулирования цифрового поведения домашних хозяйств и предпринимательских структур.

Пандемия актуализировала ряд вопросов, стоявших и ранее перед российским обществом и государством. Прежде всего, речь идет об активном повседневном использовании современных цифровых технологий и способности населения адаптироваться к процессам цифровой трансформации. Очевидно, что внедрение передовых цифровых решений создает новые возможности для бизнеса, общества и государства. Цифровой переход ведет к масштабному росту производительности труда и снижению издержек бизнеса, в том числе расходов на оплату труда. По мнению ряда экспертов, внедрение российскими аграриями цифровых технологий в агротехнические и логистические процессы позволит снизить себестоимость продовольствия в отдельных подотраслях АПК на 15%,

¹² Добролюбова Е.И. Указ. соч. С. 39.

а использование роботизированных систем уборки урожая способно привести к многократному увеличению производительности труда, так как одна такая система заменяет труд 30 работников¹³. Примеры успешного применения цифровых технологий в сельском хозяйстве России уже существуют. В частности, на ряде молочных ферм, где ранее на 5000 коров было занято около 250 доярок, в результате внедрения цифровых решений то же самое поголовье обслуживают два оператора и робот-дойяр¹⁴.

Успешные цифровые решения можно встретить и в других отраслях экономики. Так, на «КамАЗе» совместно с компанией Mercedes создано автоматизированное производство каркасов кабин для грузовых автомобилей с проектной мощностью 55000 кабин в год. На производстве занято около 700 работников. Ранее для этого потребовалось бы порядка 4000 человек¹⁵. Чрезвычайно динамично цифровая трансформация протекает в банковском секторе. Достаточно сказать, что свыше 82% россиян с той или иной степенью активности пользуются цифровыми финансовыми сервисами¹⁶.

Цифровая трансформация рынка труда и сферы занятости создает дополнительные риски повышения уровня безработицы и увеличения сроков поиска работы. Дополнительный импульс цифровизации, в том числе активной роботизации хозяйственных процессов, придала пандемия COVID-19. Между тем анализ сложившихся бизнес-практик позволяет сделать вывод, что уже сейчас чат-боты активно замещают работников при выполнении тех или иных трудовых процессов. Эксперты прогнозируют в предстоящее десятилетие замену 19% всех работников роботами на 81%¹⁷. Тенденции развития рынка труда таковы, что уже в ближайшие годы роботы сменят работников массовых профессий во многих секторах народного хозяйства. Это неизбежно приведет к обострению и без того чрезвычайно серьезной для современного государства проблемы безработицы.

Антикризисные мероприятия, реализованные в большинстве государств в рамках борьбы с пандемией, не оказали в целом масштабного позитивного воздействия на рынок труда. Неслучайно

¹³ Цифровая трансформация отраслей... С. 85–86.

¹⁴ Роботы не приживаются на российских заводах // Ведомости. 2016.13.10. URL: <https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2016/11/14/664697-roboti-ne-prizhivayutsya>

¹⁵ Цифровая трансформация отраслей... С. 145.

¹⁶ Там же. С. 160.

¹⁷ Россия 2025: от кадров к талантам // The Boston Consulting Group. URL.: http://d-russia.ru/wp-co11/Skills_Outline_web_tcm26-175469.pdfntent/uploads/2017/

именно безработица и связанное с ней снижение уровня жизни широких социальных слоев выступают фактором социально-политической турбулентности в большинстве стран. Пандемия COVID-19 ужесточила условия конкурентной среды в сфере социально-трудовых отношений. Эксперты Международной организации труда утверждают, что в 2020 г. было потеряно 255 млн рабочих мест¹⁸. Ведь для поддержания конкурентоспособности производители вынуждены все более активно внедрять технологические, продуктовые, маркетинговые инновации, в том числе современные цифровые технологии. В этих условиях структура спроса на рабочую силу меняется столь стремительно, что сложившаяся структура предложения услуг труда не успевает адаптироваться к происходящим переменам. Пандемия COVID-19 внесла свой вклад в указанные процессы, интенсифицировав цифровую трансформацию сложившихся трудовых практик, что также способствовало разрушению традиционных форм, видов и условий занятости, сокращению занятых в одних и к увеличению рабочих мест в других секторах экономики, прежде всего в индустрии высоких технологий и творческого высокоинтеллектуального труда.

Цифровизация формирует новую среду для осуществления профессиональной деятельности, создания новых профессий и видов занятости. В цифровом пространстве люди находят возможности как для реализации своих профессиональных навыков, так и для творческой самореализации. Появление новых видов занятости связано в том числе с деятельностью цифровых платформ, которые выступают драйверами формирования цифровой среды в сфере рынка труда. Однако «платформизация» ведет к значительному сокращению спроса на труд и глубоким структурным изменениям занятости. Как отмечает Е.С. Садовая, «платформы, с одной стороны, упрощают для... людей процесс поиска сферы приложения труда, а, с другой — фрагментируют социально-трудовые отношения, делая их менее защищенными»¹⁹. Платформенная занятость ведет к снижению издержек на аренду торговых и офисных площадей, сокращению расходов на оплату труда, что обусловлено низкими барьерами при включении в систему платформенной занятости. В сфере услуг цифровые платформы уже сейчас достаточно динамично вытесняют сложившиеся на рынке традиционные бизнес-практики. Это затрагивает от 60 до 75% всех занятых в этом секторе экономики.

¹⁸ Садовая Е.С. Механизм формирования неравенства на рынке труда в цифровую эпоху // Социально-трудовые исследования. 2021. № 3. С. 42.

¹⁹ Там же. С. 38.

Увеличивается количество людей, использующих потенциал цифровых платформ для получения дохода. Однако при этом активно распространяются неформальные трудовые практики, которые постепенно разрушают институциональные основы государственного регулирования социально-трудовых отношений. В этой связи трансформация государственного управления должна быть ориентирована в том числе на выработку социальных технологий регулирования рынка труда, учитывающих новые реалии и адекватных динамично развивающейся цифровой среде.

Специалисты неоднозначно оценивают риски цифровой трансформации для российского рынка труда. Высказывается мнение, что интенсивная цифровая трансформация бизнес-процессов приведет в ближайшее десятилетие к сокращению примерно 6,5 млн рабочих мест. При этом 20–25 млн из сохранившихся вакансий потребуют от работников освоения новых знаний и компетенций²⁰. Согласно более оптимистичным прогнозам, к 2025 г. в России при сокращении 610000 вакансий будет создано 960000 новых рабочих мест²¹. Такая позиция до февраля 2022 г. представлялась вполне реалистичной, что можно объяснить прежде всего так называемым эффектом “низкой базы”. В частности, в России в 2014 г. лишь 43% работавших использовали для работы интернет²². Это немало. Но в Германии в том же 2014 г. интернетом пользовались в рабочих целях 92% работников²³.

Сейчас Россия по количеству пользователей интернета занимает первое место в Европе. Возможности его активного использования в профессиональной деятельности значительны. Несмотря на то что многие цифровые технологии пока еще недостаточно интегрированы в инфраструктуру российских компаний, COVID-19 продемонстрировал потенциал их внедрения. Все более реальные очертания приобретает трансформация структуры занятости населения и системы социально-трудовых отношений. В этой связи

²⁰ Варламов Е. Цифровая экономика без человеческого капитала несостоятельна. URL: <http://tass.ru/opinions/interviews/5100624> (дата обращения: 25.10.2020).

²¹ Полеванов В. Куда идешь, человек? // Экономические стратегии. 2017. № 1. С. 84.

²² Стребков Д.О., Шевчук А.В., Спирина М.О. Самостоятельная занятость на рынке удаленной работы: распространение инновационной трудовой практики // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2016. № 6. С. 94.

²³ Сизова И.Л., Хусяинов Т.М. Труд и занятость в цифровой экономике: проблемы российского рынка труда // Вестник СПбГУ. Социология. 2017. Т. 10. Вып. 4. С. 376–396. URL: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu12.2017.401> (дата обращения: 24.10.2020).

актуализируется проблема готовности граждан, предпринимательского сообщества и государства к предстоящим переменам, в том числе к масштабному переходу на дистанционную работу. Еще до пандемии, в 2018 г., 33% работавших россиян высказали готовность трудиться удаленно, а 54% опрошенных молодых людей хотели бы работать на себя²⁴. Следовательно, наши сограждане были в целом готовы к серьезным переменам в своей профессиональной деятельности, понимая неизбежность трансформации рынка труда. И хотя еще до пандемии наблюдалось расширение практики внедрения “дистанционки”, на фоне коронавирусных ограничений она стала активно используемой формой занятости. Пандемия же интенсифицировала процессы применения интернета российским бизнесом и домашними хозяйствами, в том числе за счет расширения интернет-занятости и широкого использования удаленной работы. Заметно увеличилось количество наших сограждан, положительно оценивающих возможность трудиться на расстоянии. В 2021 г. их было уже 64%. В Москве и Санкт-Петербурге этот показатель еще выше — 75%²⁵.

Цифровая трансформация социально-трудовой сферы, увеличение масштабов применения дистанционной работы актуализируют проблему развития теневого рынка труда и неформальной занятости. Отдельные эксперты оценивали ее масштабы в 2018 г. в 25 млн человек, или 30% занятых в российской экономике²⁶. Конечно, далеко не все трудовые практики работников неформального сектора связаны с использованием современных цифровых технологий. Не все “неформалы” являются креативными профессионалами. Очевидно одно: неформальная занятость создает для государства серьезные риски криминализации сферы социально-трудовых отношений, сокращения бюджетных доходов и возможностей финансирования государственных социальных мандатов. В целях легализации доходов самозанятых и усиления контроля за социально-трудовой сферой в 2019 г. в четырех субъектах РФ в качестве эксперимента была внедрена новая система налогообложения — “Налог на профессиональный доход”. Она оказалась эффективной

²⁴ Забелина О.В., Майорова А.В., Матвеева В.А. Новые формы занятости и готовность работающего населения России к активному поведению на рынке труда // Социально-трудовые исследования. 2018. № 4. С. 125.

²⁵ Удаленная работа по-русски: плюсы и минусы. URL: wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/

²⁶ Сафонов А.А., Некипелова Д.В. Оценка влияния налогового маневра на сокращение количества занятых в неформальном секторе экономики России // Социально-трудовые исследования. 2018. № 4. С. 29.

и востребованной. В настоящее время ее используют все субъекты РФ, а в качестве самозанятых встали на налоговый учет свыше 3 млн россиян. Не в последнюю очередь это было обусловлено распространением коронавируса и трансформацией российского рынка труда.

Наряду с изменением структуры занятости и развитием ее неформальных форм актуализируется еще одна непростая проблема, которая заслуживает пристального внимания социологического сообщества. Сейчас мы являемся живыми свидетелями своеобразной маргинализации социально-трудовых отношений и занятости, которую социологи называют депрофессионализированной. Как отмечают отдельные исследователи, «рынок труда продолжает разделяться на практически полностью изолированные части — сегмент высокопрофессиональной занятости, связанной с формирующимся новым технологическим укладом, и сегмент депрофессионализированной занятости, которую сегодня все чаще квалифицируют как “безворотничковую”, в противовес “беловоротничковой” и “синеворотничковой” занятости индустриальной эпохи»²⁷. Граница между этими сегментами проходит в том числе по линии активного использования информационно-компьютерных технологий в трудовом процессе.

В этих условиях говорить о равенстве шансов и социальных прав граждан не приходится. На наш взгляд, несмотря на антироссийские санкции, уход из России ряда цифровых гигантов, попытки возвести барьеры на пути проникновения в Россию высоких технологий и возникшие в этой связи проблемы тенденция маргинализации сферы занятости в нашей стране сохранится, ибо она носит устойчивый глобальный характер. Цифровая трансформация государственного управления должна осуществляться в том числе с учетом этой проблемы. Без ее решения формирование адекватной интересам общества и государства цифровой среды не представляется возможным. Более того, в условиях обострения санкционного противостояния она будет обостряться.

Пандемия актуализировала проблему социального неравенства, которое под влиянием глобализации и цифровизации меняет свою конфигурацию, приобретая новые и новые контуры. Активный цифровой переход выдвигает на передний план задачу преодоления цифрового неравенства, которое проявляется в неравном доступе к интернету, цифровым технологиям, образовательным услугам и информации в цифровом пространстве. Это является серьезным социальным риском цифровой трансформации, который отчетливо про-

²⁷ Садовая Е.С. Указ. соч. С. 42.

явился в период пандемии. Российская Федерация характеризуется высоким уровнем цифрового неравенства регионов. С целью оценки его уровня используется индекс “Цифровая Россия”. Данный показатель разработан для мониторинга уровня использования современных цифровых решений в деятельности органов государственной власти и местного самоуправления, предпринимательских структур, а также повседневной жизни людей. Так, по 100-балльной шкале в 2018 г. показатель колебался в диапазоне от 39,74 (Республика Тыва) до 77,03 (Москва) баллов, в то время как в 2017 г. интервал составлял 26,06 — 70,01 балла. При этом констатируется, что на конец 2018 г. 25% населения России не имело доступа к интернету²⁸.

Пандемия оказала разрушительное воздействие на образ жизни людей, складывавшийся на протяжении десятилетий экономический и социальный порядок, усилила напряженность и неопределенность в обществе. Ведь далеко не все сумели рационально использовать потенциал цифровых технологий и возможности цифровизации. Значительная часть населения, прежде всего представители старшего поколения и работники, чей труд не требует владения цифровыми компетенциями, не смогли в полной степени адаптироваться к новым реалиям. Именно эта категория людей оказалась наиболее уязвимой в условиях, введенных органами государственной власти различного рода ограничений. Масштабы протестных акций, прежде всего в США и до недавнего времени благополучной Европе, на фоне негативных последствий антироссийских санкций расширяются, несмотря на декларируемые меры поддержки бизнеса и домохозяйств. Пессимистические настроения нарастают. Будущее постковидного восстановления экономики становится все более призрачным. Напряженность в обществе нарастает, так как значительное число граждан, привыкших к стабильной и сытой жизни, не видит для себя позитивных перспектив. Все активнее артикулируется запрос на социальную справедливость.

Пандемия обострила проблему цифровой трансформации государственного управления в Российской Федерации. Антиковидные ограничения не могли не затронуть данную сферу жизни россиян. Более того, пандемия выступила в качестве фактора, стимулирующего процессы перехода к цифровому государству. Стало очевидным, что внедрение современных цифровых технологий должно быть направлено на своеобразную “интеллектуализацию” государственного управления, предполагающую координирующую и на-

²⁸ Цифровая Россия. URL: https://finance.skolkovo./downloads/documents/FinChair/eseachReports/SKOLKOVO_Digital_Russia_Full_2019-04_ru/pdf (дата обращения: 03.02.2021).

правляющую деятельность государственных органов по формированию системной цифровой среды и интеграцию не только органов публичной власти и управления, но и всех акторов цифровых коммуникаций — государства, граждан и бизнеса. Одно из направлений подобной деятельности государства — создание комплексных цифровых платформ. Необходимы такие государственные платформенные решения, которые обеспечат вовлечение в процессы цифровой трансформации максимальное количество предпринимательских структур, домохозяйств, государственных и муниципальных организаций и учреждений. При этом главной задачей государства становится обеспечение надежности цифровой среды, которое напрямую определяет степень кибербезопасности цифровых коммуникаций, а значит, защищенности всех участников цифровых коммуникаций, что укрепляет доверие общества к цифровому переходу государственного управления.

Цифровая трансформация способна вызвать заметные позитивные эффекты как в деятельности отдельных органов государственной власти и управления, так и всей системы публичного управления. Как мы уже отмечали выше, цифровизация государственного управления позволит снизить уровень затрат на общегосударственные расходы на 0,3% ВВП к 2024 г., бизнесу — снизить административные издержки, а гражданам — получать государственные и муниципальные услуги более высокого качества²⁹.

Цифровизация государственного управления — процесс затратный. Прежде всего, предстоит создать не только соответствующую цифровую инфраструктуру государственного управления, но и провести основательную работу по формированию адекватных современным требованиям цифровых компетенций государственных служащих, разработать и внедрить конкурентоспособные, простые и понятные для каждого пользователя цифровые продукты, обеспечить обратную связь с потребителями государственных услуг с целью выяснения степени их удовлетворенности качеством услуг.

Достаточно остро стоит проблема адаптации людей к цифровой среде. Прежде всего, это относится к представителям старшего поколения, для которых цифровая трансформация представляет определенные сложности. Так, результаты исследования, проведенного в 2020 г. ВЦИОМ совместно с компанией “Социал Бизнес Групп” показывают, что если в возрастной группе 18–24 года 82% опрошенных обладают достаточными навыками работы на компьютере, ноутбуке и телефоне, в возрасте 25–34 года — 80%, то у

²⁹ Государство как платформа. (Кибер) государство для цифровой экономики... С. 5.

лиц после 60 лет этот показатель составляет 48%. При этом определено недостаточно навыков у 20% опрошенных³⁰. Это обстоятельство также должно учитываться при активном внедрении цифровых технологий в государственное управление, хотя подобное положение вполне объяснимо. Владение цифровыми знаниями и навыками происходит прежде всего в процессе обучения и активной трудовой деятельности. Специалисты отмечают, что именно трудовая деятельность выступает фактором адаптации к цифровой среде. Неслучайно наиболее высокий уровень владения цифровыми навыками демонстрируют специалисты с высшим образованием, которые наиболее активно использовали возможности дистанционной занятости в период жестких ограничений, связанных с пандемией COVID-19. В частности, в марте–мае 2020 г. полностью или частично на удаленку было переведено 30% занятых. При этом переход на дистанционную занятость в первую очередь коснулся специалистов с высшим образованием³¹.

При выходе на пенсию общественная, прежде всего трудовая, активность человека снижается. В той или иной степени утрачивается мотивация по овладению новыми цифровыми компетенциями и поддержанию части цифровых навыков в силу банального отсутствия необходимости их систематического использования. Более того, возможна ситуация, когда пожилые люди, адаптировавшиеся к действующим в настоящее время цифровым технологиям, утратят часть навыков цифрового поведения в более продвинутой и сложной цифровой среде, ибо представители старшего поколения, как правило, предпочитают пассивный тип адаптации к вводимым инновациям. Поэтому цифровые решения, используемые государством, должны быть простыми и понятными.

Реализация мероприятий в области цифровизации публично-го управления должна учитывать и такую сложную и постоянно обостряющуюся проблему, как социальное неравенство. Ранее мы уже отмечали, что одними из негативных последствий цифровой революции, которая преобразует среду обитания человека и создает новые возможности для его самореализации и профессионального роста, но при этом неоднозначно влияет на рынок труда и занятость, являются возникновение и стремительное углубление цифрового неравенства³². Более того, под влиянием глобализации и цифровой

³⁰ Давыдов С.Г. Цифровые компетенции россиян и работа на самоизоляции во время пандемии COVID-19 // Социально-трудовые исследования. 2021. № 2. С. 413.

³¹ Там же. С. 414–419.

³² Васильев В.П., Деханова Н.Г., Холоденко Ю.А. Факторы и тенденции социальной дифференциации: новые риски // Социодинамика. 2020. № 5. С. 91.

трансформации изменяется сам характер социального неравенства и его конфигурация. По мнению ряда специалистов, развитие и широкое распространение цифровых технологий углубляют неравенство, так как под влиянием цифровой трансформации выкристаллизовываются принципиально новые критерии неравенства — доступ к информационным технологиям, коммерциализированной культуре и человеческому опыту³³. Не в последнюю очередь это обусловлено трансформацией рынка труда и занятости населения. Как мы уже отмечали ранее, “наиболее высокооплачиваемые рабочие места связаны с цифровой экономикой, информационными технологиями и встроенностью в глобальные цепочки формирования потребительных стоимостей. Глобализация и цифровизация принципиально меняют характер социального неравенства, придают ему новое качество”³⁴.

Н.Г. Осипова выделяет три уровня цифрового неравенства. Первый из них связан с различием в доступе к современным цифровым технологиям, что предполагает наличие или отсутствие соответствующей материальной базы и цифровой инфраструктуры. Второй состоит в дифференциации цифровых компетенций и навыков деятельности в цифровой среде. Третий уровень цифрового развития означает неравенство шансов и возможностей использования цифровых технологий для решения проблем трудоустройства и карьерного роста³⁵. В свою очередь, В.П. Васильев подчеркивает, что “в России цифровое неравенство имеет два особых аспекта — во-первых, значительный слой бедного населения, что не позволяет приобретать компьютерную технику и, во-вторых, значительную пространственную протяженность, что обуславливает значительные затраты на создание качественной информационно-коммуникационной инфраструктуры”³⁶. Как отмечает Н.Г. Осипова, только 26% россиян имеют высокий уровень цифровой грамотности и демонстрируют хорошее владение базовыми компетенциями работы в цифровой среде³⁷. Следовательно, для результативного внедрения передовых цифровых технологий в систему публичного управления следует активизировать работу по сглаживанию цифрового нера-

³³ Социальные изменения в условиях цифровой среды. М., 2020. С. 164.

³⁴ Холоденко Ю.А. Социальные риски цифровой революции: фактор глобализации // Альма-Матер. Вестник высшей школы. 2019. № 9. С. 91.

³⁵ Осипова Н.Г. Социальное неравенство в современном мире // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2019. Т. 25. № 4. С. 143–175.

³⁶ Васильев В.П. Электронное правительство в цифровой реальности // Цифровое общество. 2019. № 6. С. 7.

³⁷ Осипова Н.Г. Указ. соч. С. 146.

венства, объединив усилия государства, российского бизнеса и общества.

Чрезвычайно сложной и дискуссионной проблемой является использование в государственном управлении искусственного интеллекта. Внедрение искусственного интеллекта в практику государственного управления де факто означает переход к “цифровому государству”. Целью использования искусственного интеллекта в государственном управлении становится оптимизация государственных услуг, внесение изменений в документооборот, повышение адаптивности форм и методов государственного регулирования к реалиям современного цифрового общества. Искусственный интеллект относится к новейшим цифровым технологиям, предполагающим использование самообучающихся алгоритмов, обладающих такими функциями, как способность к размышлению и принятию продуманных, взвешенных решений на основе анализа больших объемов информации с учетом множества факторов. Однако объем и характер информации, загружаемой в систему, как, впрочем, и поставленные перед искусственным интеллектом цели определяет человек со своими убеждениями, социальными установками, ценностными ориентациями, политическими и иными предпочтениями. В этой связи возникает проблема точности оценок и прогнозов, а также дискриминации по самым различным основаниям. Искусственный интеллект — это, в конечном счете, цифровая система, которая неспособна понять тонкости человеческой природы и предугадать точную модель поведения человека, социальной группы или общества в целом в конкретной ситуации. Между тем точность прогнозов и оценок социальных последствий принимаемых решений чрезвычайно актуальна именно для органов государственной власти и управления, решения которых распространяются на все общество и затрагивают интересы всего населения.

Внедрение искусственного интеллекта потребует значительных бюджетных расходов, прежде всего на развитие цифровой инфраструктуры государственного управления. Предстоит также решить проблемы формирования цифровых компетенций государственных служащих, создания современных конкурентоспособных национальных цифровых продуктов, внедрения механизмов обеспечения обратной связи с потребителями государственных услуг с целью выяснения степени удовлетворенности их качеством. Очевидно, что цифровые технологии искусственного интеллекта неспособны заменить человека при выполнении задач особой сложности, решение которых требует специальных знаний и творческого подхода. Но они могут оказать определенную поддержку специалистам в

принятии решений в сфере государственного управления, в частности, повысить точность прогнозов и обоснованность расчетов. Это обусловлено усложнением задач, стоящих перед государственным управлением. Однако как справедливо отмечают отдельные специалисты, речь не идет о замене лиц, принимающих решения, на программные алгоритмы³⁸. При достигнутом уровне цифровых технологий это просто невозможно. Более того, включение технологий искусственного интеллекта в процесс принятия государственных решений еще обостряет риски, связанные с обеспечением информационной безопасности и защитой персональных данных. Ведь искусственный интеллект — это робот, хотя и обладающий способностями к автономному принятию решений. Робот можно взломать. Он может быть подвержен атаке со стороны хакеров и зарубежных спецслужб. Предугадать действия искусственного интеллекта невозможно, так как это автономная система. Невозможно также воздействовать на эти действия. В этих условиях рассуждения о “восстании машин” не кажутся такими уж фантастическими. Возникает проблема контроля над действиями искусственного интеллекта, определения субъекта и меры ответственности в случае наступления негативных последствий и механизмов их преодоления. Существует угроза снижения доверия граждан к государству, так как искусственный интеллект неспособен к сопереживанию, сочувствию, решению нестандартных проблем. Поэтому высказывается мнение, что “у людей должна остаться возможность получения государственных услуг в привычном формате, путем обращения к государственному служащему — человеку”³⁹. Наконец, актуализируется проблема юридической ответственности в случае нарушения интеллектуальной системой прав граждан.

Таким образом, переход к цифровому государству — сложный, противоречивый процесс, требующий продуманных, выверенных решений, адекватных как современным глобальным вызовам, так и сложившимся общественным реалиям. Внедрение современных информационно-компьютерных технологий должно способствовать повышению степени прозрачности деятельности органов государственного управления и местного самоуправления, механизмов принятия решений, затрагивающих интересы общества либо отдельных социальных групп. Динамика цифровой трансформации государственного управления во многом будет определяться харак-

³⁸ Гусев А.В., Добридюк С.Л. Искусственный интеллект в медицине и здравоохранении // Информационное общество. 2017. № 4–5. С. 84.

³⁹ Талапина Л.В. Использование искусственного интеллекта в государственном управлении // Информационное общество. 2021. № 3. С. 21.

тером социальных практик, способных кардинально повлиять на доверие общества к цифровому государственному управлению, в частности, в сфере обеспечения безусловной кибербезопасности, защиты персональных данных и цифровых прав граждан. Для успешной цифровой трансформации системы государственного управления предстоит обеспечить его необходимым современным оборудованием, повысить цифровую грамотность и информационную культуру государственных служащих. Для создания образовательного контента, используемого при подготовке и повышении квалификации государственных служащих к работе в цифровой среде, могут быть использованы современные цифровые решения, в частности, технологии виртуальной и дополненной реальности. Следует и далее развивать комплексные государственные цифровые платформы и сервисы, позволяющие получать публичные услуги в электронном виде, не обращая непосредственно в государственные учреждения. В этой связи одной из важнейших задач российского государства становится формирование мотиваций у бизнеса к более активному инвестированию в современные цифровые технологии, а у граждан — заинтересованности в потреблении цифровых государственных услуг.

Вместе с тем при достигнутом на данный момент времени уровне цифровых технологий спорными представляются утверждения о полноценном использовании искусственного интеллекта в системе публичного управления. Корректнее говорить о применении дополненного интеллекта, предполагающего совмещение возможностей искусственного интеллекта в области анализа больших данных с компетенциями носителей естественного интеллекта — государственных и муниципальных служащих. Технологии искусственного интеллекта, совмещенные с технологиями *big data* и другими современными цифровыми технологиями, могут использоваться в государственном управлении, но при принятии стандартных, систематически повторяющихся решений. На наш взгляд, в обозримой перспективе технологии искусственного интеллекта не смогут обеспечить эффективного гибкого взаимодействия между органами государственного и муниципального управления и потребителями цифровых государственных услуг (домохозяйствами и бизнес-структурами) без участия человека с его знаниями, умениями и способностью к нестандартным социальным практикам. Как справедливо отмечают отдельные специалисты, «цифровой двойник человека не подразумевает подмену человеческого интеллекта или тем более личности какой-либо субъектной копией, однако необходим как виртуальная интерактивная копия или аватар реального

гражданина, который позволяет ему коммуницировать с другими гражданами, включая государственных служащих”⁴⁰. Аргументированной представляется позиция, согласно которой наличие обширных баз данных и алгоритмов искусственного интеллекта для их обработки в настоящее время не дотягивает до необходимого условия цифрового управления, ибо управление опирается не на информацию, а на знания, а “знания являются продуктом когнитивной деятельности, в том числе процесса обучения индивида, обладающего естественным интеллектом”⁴¹. Не следует переоценивать потенциал применения современных цифровых технологий в государственном управлении. Более того, на фоне глобальных социальных изменений к использованию цифровых решений следует относиться чрезвычайно продуманно и осторожно. Мы являемся свидетелями разрушения сложившейся глобальной системы институционального регулирования международных экономических, политико-правовых, гуманитарных отношений. Последствия предсказать невозможно. Очевидно, что точка невозврата пройдена. Мир никогда не будет прежним. Начинается эпоха пещерного, дикого цифрового капитализма. Цифровая среда превращается в поле битвы. Без правил и ограничений. В этих условиях говорить о честной, справедливой глобальной конкуренции не приходится. Все чаще и чаще в выступлениях политиков, СМИ, научной и специальной литературе мы будем сталкиваться со словом “безопасность” в различных сочетаниях, в том числе — “информационная безопасность”, а в качестве своеобразного лозунга перехода к цифровому государственному управлению хотелось бы предложить “здоровый смысл, осторожность, кибербезопасность”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Варламов Е. Цифровая экономика без человеческого капитала несостоятельна. URL: <http://tass.ru/opinions/interviews/5100624> (дата обращения: 25.02.2022).

Васильев В.П. Электронное правительство в цифровой реальности // Цифровое общество. 2019. № 6. С. 4–11.

Васильев В.П., Деханова Н.Г., Холоденко Ю.А. Факторы и тенденции социальной дифференциации: новые риски // Социодинамика. 2020. № 5. С. 43–55.

Государство как платформа. (Кибер) государство для цифровой экономики. Цифровая трансформация. М., 2018.

⁴⁰ *Косоруков А.А.* Перспективные технологические решения в сфере построения нейроцифрового государства // Социодинамика. 2021. № 6. С. 56.

⁴¹ *Купряшин Г.Л., Шрамм А.Е.* О проблемах информатизации в бюрократических системах и развитии общегосударственных информационных систем // Государственное управление. 2020. № 80. С. 27–28.

- Гусев А.В., Добридюк С.Л. Искусственный интеллект в медицине и здравоохранении // Информационное общество. 2017. № 4–5. С. 78–93.
- Давыдов С.Г. Цифровые компетенции россиян и работа на самоизоляции во время пандемии COVID-19 // Социально-трудовые исследования. 2021. № 2. С. 403–422.
- Добролюбова Е.И. Оценка цифровой зрелости государственного управления // Информационное общество. 2021. № 2. С. 37–52.
- Забелина О.В., Майорова А.В., Матвеева В.А. Новые формы занятости и готовность работающего населения России к активному поведению на рынке труда // Социально-трудовые исследования. 2018. № 4. С. 13–27.
- Косоруков А.А. Перспективные технологические решения в сфере построения нейроцифрового государства // Социодинамика. 2021. № 6. С. 52–66.
- Косоруков А.А., Кшеменецкая М.Н. Модель цифрового управления на современном этапе развития государственного управления // Социодинамика. 2019. № 1. С. 57–69.
- Купряшин Г.Л., Шрамм А.Е. О проблемах информатизации в бюрократических системах и развитии общегосударственных информационных систем // Государственное управление. 2020. № 80. С. 22–48.
- Купряшин Г.Л., Шрамм А.Е. О перспективах третьей волны парадигмы цифрового государственного управления // Государственное управление. 2021. № 84. С. 256–276.
- Мартыненко Т.С., Добринская Д.Е. Социальное неравенство в эпоху искусственного интеллекта: от цифрового к алгоритмическому разрыву // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 1. С. 171–192.
- Михайлова О.В. Современное государственное управление в условиях виртуализации и расширения сетевого ландшафта публичной политики // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). 2019. № 4. С. 23–39.
- Осипова Н.Г. Социальное неравенство в современном мире // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2019. Т. 25. № 4. С. 124–153.
- Полеванов В. Куда идешь, человек? // Экономические стратегии. 2017. № 1. С. 82–98.
- Роботы не приживаются на российских заводах // Ведомости. 2016.13.10. URL: <https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2016/11/14/664697-roboti-ne-prizhivayutsya> (дата обращения: 22.02.2022).
- Россия 2025: от кадров к талантам // The Boston Consulting Group. URL: http://d-russia.ru/wp-co11/Skills_Outline_web_tcm26-175469.pdfntent/uploads/2017/ (дата обращения: 22.02.2022).
- Садовая Е.С. Механизм формирования неравенства на рынке труда в цифровую эпоху // Социально-трудовые исследования. 2021. № 3. С. 32–44.
- Сафонов А.А., Некипелова Д.В. Оценка влияния налогового маневра на сокращение количества занятых в неформальном секторе экономики России // Социально-трудовые исследования. 2018. № 4. С. 28–41.
- Сизова И.Л., Хусяинов Т.М. Труд и занятость в цифровой экономике: проблемы российского рынка труда // Вестник СПбГУ. Социология. 2017. Т. 10. Вып. 4. С. 376–396. URL: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu12.2017.401> (дата обращения: 24.02.2022).

Социальные изменения в условиях цифровой среды: Коллективная монография / Под ред. В.П. Васильева. М., 2020.

Стребков Д.О., Шевчук А.В., Спирина М.О. Самостоятельная занятость на рынке удаленной работы: распространение инновационной трудовой практики // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2016. № 6. С. 89–106.

Талапина Л.В. Использование искусственного интеллекта в государственном управлении // Информационное общество. 2021. № 3. С. 16–22.

Удаленная работа по-русски: плюсы и минусы. URL: wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ (дата обращения: 24.02.2022).

Холоденко Ю.А. Социальные риски цифровой революции: фактор глобализации // Альма-Матер. Вестник высшей школы. 2019. № 9. С. 88–93.

Цифровая Россия. URL: https://finance.skolkovo./downloads/documents/FinChair/ResearchReports/SKOLKOVO_Digital_Russia_Full_2019-04_ru/pdf (дата обращения: 03.02.2022).

Цифровая трансформация отраслей: стартовые условия и приоритеты. М., 2021.

Юсифов Ф. Оценка государственных услуг на основе удовлетворенности граждан // Информационное общество. 2020. № 4.

REFERENCES

OECD (2013) Perspectives on Global Development (2013) Industrial Policies in a Changing World. URL: <http://www.oecd.org/dev/pgd/pgd2013.htm> (accessed: 19.03.2022).

Cifrovaya Rossiya [Digital Russia]. URL: https://finance.skolkovo./downloads/documents/FinChair/ResearchReports/SKOLKOVO_Digital_Russia_Full_2019-04_ru/pdf (data obrashcheniya: 03.02.2022) (in Russian).

Cifrovaya transformatsiya otraslej: startovye usloviya i prioritety [Digital transformation of industries: starting conditions and priorities]. М., 2021 (in Russian).

Davydov S.G. Cifrovye kompetencii rossiyan i rabota na samoizolyacii vo vremya pandemii COVID-19 [Digital competencies of Russians and work on self-isolation during the COVID-19 pandemic] // Social'no-trudovye issledovaniya. 2021. N 2. S. 403–422 (in Russian).

Dobrolyubova E.I. Ocenka cifrovoj zrelosti gosudarstvennogo upravleniya [Assessment of digital maturity of public administration] // Informacionnoe obshchestvo. 2021. N 2. S. 37–52 (in Russian).

Gosudarstvo kak platforma. (Kiber) gosudarstvo dlya cifrovoj ekonomiki. Cifrovaya transformatsiya [The state as a platform. (Cyber) the state for the digital economy. Digital transformation]. М., 2018 (in Russian).

Gusev A.V., Dobridnyuk S.L. Iskusstvennyj intellekt v medicine i zdravoohranenii [Artificial intelligence in medicine and healthcare] // Informacionnoe obshchestvo. 2017. N 4–5. S. 78–93 (in Russian).

Holodenko Yu.A. Social'nye riski cifrovoj revolyucii: faktor globalizacii [Social risks of the digital revolution: the factor of globalization] // Al'ma-Mater. Vestnik vysshej shkoly. 2019. N 9. S. 88–93 (in Russian).

Kosorukov A.A. Perspektivnye tekhnologicheskie resheniya v sfere postroeniya nejrocifrovogo gosudarstva [Promising technological solutions in the field of building a neuro-digital state] // Sociodinamika. 2021. N 6. S. 52–66 (in Russian).

Kosorukov A.A., Kshemeneckaya M.N. Model' cifrovogo upravleniya na sovremennom etape razvitiya gosudarstvennogo upravleniya [The model of digital management at the present stage of public administration development] // Sociodinamika. 2019. N 1. S. 57–69 (in Russian).

Kupryashin G.L., Shramm A.E. O problemah informatizacii v byurokraticheskikh sistemah i razvitii obshchegosudarstvennykh informacionnykh system [On the problems of informatization in bureaucratic systems and the development of national information systems] // Gosudarstvennoe upravlenie. 2020. N 80. S. 22–48 (in Russian).

Kupryashin G.L., Shramm A.E. O perspektivah tretej volny paradigmy cifrovogo gosudarstvennogo upravleniya [On the prospects of the third wave of the digital public administration paradigm] // Gosudarstvennoe upravlenie. 2021. N 84. S. 256–276 (in Russian).

Martynenko T.C., Dobrinskaya D.E. Social'noe neravenstvo v epohu iskusstvennogo intellekta: ot cifrovogo k algoritmicheskomu razryvu [Social inequality in the era of artificial intelligence: from digital to algorithmic gap] // Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny. 2021. N 1. S. 171–192 (in Russian).

Mihajlova O.V. Sovremennoe gosudarstvennoe upravlenie v usloviyah virtualizacii i rasshireniya setevogo landshafta publichnoj politiki [Modern public administration in the context of virtualization and expansion of the network landscape of public policy] // Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 21. Upravlenie (gosudarstvo i obshchestvo). 2019. N 4. S. 23–39 (in Russian).

Osipova N.G. Social'noe neravenstvo v sovremennom mire [Social inequality in the modern world] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya. 2019. T. 25. N 4. S. 124–153 (in Russian).

Polevanov V. Kuda idesh', chelovek? [Where are you going, man?] // Ekonomicheskie strategii. 2017. N 1. S. 82–98 (in Russian).

Roboty ne prizhivayutsya na rossijskikh zavodah [Robots do not take root in Russian factories] // Vedomosti. 2016.13.10. URL: <https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2016/11/14/664697-roboti-ne-prizhivayutsya> (data obrashcheniya: 22.02.2022) (in Russian).

Rossiya 2025: ot kadrov k talantam [Russia 2025: from cadres to talents] // The Boston Consulting Group. URL: <http://d-russia.ru/wp-content/uploads/2017/> (data obrashcheniya: 22.02.2022) (in Russian).

Sadovaya E.S. Mekhanizm formirovaniya neravenstva na rynke truda v cifrovuyu epohu [The mechanism of inequality formation in the labor market in the digital age] // Social'no-trudovye issledovaniya. 2021. N 3. S. 32–44 (in Russian).

Safonov A.A., Nekipelova D.V. Ocenka vliyaniya nalogovogo manevra na so-krashchenie kolichestva zanyatykh v neformal'nom sektore ekonomiki Rossii [Assessment of the impact of the tax maneuver on reducing the number of people employed in the informal sector of the Russian economy] // Social'no-trudovye issledovaniya. 2018. N 4. S. 28–41 (in Russian).

Sizova I.L., Husyainov T.M. Trud i zanyatost' v cifrovoj ekonomike: problemy rossijskogo rynka truda [Labor and employment in the digital economy: problems of the Russian labor market] // Vestnik SPbGU. Sociologiya. 2017. T. 10. Vyp. 4. S. 376–396. URL: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu12.2017.401> (data obrashcheniya: 24.02.2022) (in Russian).

Social'nye izmeneniya v usloviyah cifrovoj sredy: kollektivnaya monografiya [Social changes in the digital environment: a collective monograph] / Pod red. V.P. Vasileva. M., 2020 (in Russian).

Strebkov D.O., Shevchuk A.V., Spirina M.O. Samostoyatel'naya zanyatost' na rynke udalenoj raboty: rasprostranenie innovacionnoj trudovoj praktiki [Self-employment in the remote work market: the spread of innovative labor practice] // Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny. 2016. N 6. S. 89–106 (in Russian).

Talapina L.V. Ispol'zovanie iskusstvennogo intellekta v gosudarstvennom upravlenii [The use of artificial intelligence in public administration] // Informacionnoe obshchestvo. 2021. N 3. S. 16–22 (in Russian).

Udalennaya rabota po-russki: plyusy i minusy [Remote work in Russian: pros and cons]. URL: wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ (data obrashcheniya: 24.02.2022) (in Russian).

Varlamov E. Cifrovaya ekonomika bez chelovecheskogo kapitala nesostoyatel'na [Digital economy without human capital is untenable]. URL: <http://tass.ru/opinions/interviews/5100624> (data obrashcheniya: 25.02.2022) (in Russian).

Vasil'ev V.P. Elektronnoe pravitel'stvo v cifrovoj real'nosti [Electronic government in digital reality] // Cifrovoe obshchestvo. 2019. N 6. S. 4–11 (in Russian).

Vasil'ev V.P., Dekhanova N.G., Holodenko Yu.A. Faktory i tendencii social'noj differenciacii: novye riski [Factors and trends of social differentiation: new risks] // Sociodinamika. 2020. N 5. S. 43–55 (in Russian).

Yusifov F. Ocenka gosudarstvennyh uslug na osnove udovletvorennosti grazhdan [Assessment of public services based on the satisfaction of citizens] // Informacionnoe obshchestvo. 2020. N 4 (in Russian).

Zabelina O.V., Majorova A.V., Matveeva V.A. Novye formy zanyatosti i gotovnost' rabotayushchego naseleniya Rossii k aktivnomu povedeniyu na rynke truda [New forms of employment and the readiness of the working population of Russia for active behavior in the labor market] // Social'no-trudovye issledovaniya. 2018. N 4. S. 13–27 (in Russian).